

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 380–387

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 380–387

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-380-387>, EDN: HDCFRK

Научная статья
УДК 81'1'38'42:008

Лингвокультурные характеристики речевых жанров

В. И. Карасик

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 6

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего
и русского языкоznания, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматривается лингвокультурный подход к изучению речевых жанров. Речевой жанр как комплексное коммуникативное явление может быть охарактеризован с учетом его концептуального, сценарного, типажного, сюжетного и культурно-специфического содержания. В культурно-специфическом плане предлагается выделить речевые жанры двух типов: 1) лакунарные, характерные только для какого-то лингвокультурного сообщества и отсутствующие в коммуникативной практике других языковых коллективов, как этнокультурных, так и социокультурных, 2) альтернативные, сходные по интенциональному содержанию, но различающиеся по тематике и структуре. Специфические жанры, свойственные какой-то одной лингвокультуре, обычно бывают исторически связаны с определенной эпохой. Важнейшим индикатором этнокультурной специфики речевого жанра является его несоответствие культурным доминантам поведения того сообщества, с которым себя идентифицирует субъект общения. С позиций лингвокультурного моделирования реальности принято различать этноспецифическое и социоспецифическое содержание жанра, при этом они взаимосвязаны и дифференцируются только для схематичного объяснения поведения людей. В качестве специфического проявления речевого жанра может быть и намеренное либо помимовольное его избегание в определенной лингвокультуре. Лингвокультурная специфика речевого жанра обусловлена социально-историческими условиями его существования и проявляется как в личностной, так и в институциональной коммуникации.

Ключевые слова: речевой жанр, лингвокультурный подход, культурная доминанта, жанровая лакуна, жанровая специфика, личностный дискурс, институциональный дискурс

Для цитирования: Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики речевых жанров // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 380–387. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-380-387>, EDN: HDCFRK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Linguistic and cultural characteristics of speech genres

V. I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Volgin St., Moscow 117485, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. Abstract. The paper deals with linguistic and cultural approach to the study of speech genres. Speech genre as a complex communicative phenomenon can be characterized taking into account its conceptual, script, type, plot and culture-specific content. In terms of cultural specificity, it is possible to distinguish speech genres of two types: 1) lacunar, characteristic only for some linguistic and cultural community and absent in the communicative practice of other linguistic collectives, both ethno-cultural and socio-cultural, 2) alternative, similar in intentional content, but differing in theme and structure. Specific genres peculiar to one linguistic culture are usually historically connected with a certain epoch. The most important indicator of the ethno-cultural specificity of a speech genre is its inconsistency with the cultural dominants of the behaviour of the community with which the subject of communication identifies himself. From the standpoint of linguistic and cultural modelling of reality, it is customary to distinguish between ethnosecific and sociospecific content of

a genre; at the same time, they are interrelated and differentiated only for schematic explanation of people's behaviour. The specific manifestation of a speech genre can also be taken into account as a deliberate or voluntary avoidance of it in a certain language and culture. Linguistic and cultural specificity of a speech genre is conditioned by socio-historical conditions of its existence and manifests itself both in personal and institutional communication.

Keywords: speech genre, linguocultural approach, cultural dominant, genre lacuna, genre specificity, personal discourse, institutional discourse

For citation: Karasik V. I. Linguistic and cultural characteristics of speech genres. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 380–387 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-380-387>, EDN: HDCFRK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Лингвокультурология как направление антропологической лингвистики привлекает к себе внимание многих современных исследователей. Активно развивается изучение этнокультурной специфики языковой картины мира [1–8]. Во многих работах описаны особенности лингвокультурных концептов как квантов переживаемого знания [9–15]. Вместе с тем в число объектов лингвокультурологического анализа входят не только концепты, но и лингвокультурные сценарии, или скрипты [16, 17], с иных позиций рассматриваемые как речеповеденческие тактики [18], т. е. культурно специфические модели поведения в разных коммуникативных ситуациях. Особым объектом лингвокультурологии являются лингвокультурные типажи – узнаваемые типизируемые личности, поведение которых отражает этноспецифические и социоспецифические нормы определенной культуры [19–23]. Определенная лингвокультурная специфика присуща также некоторым сюжетам и сюжетным мотивам в художественных произведениях, имеются в виду культурно значимые особенности миропонимания, отраженные в различных нарративах и их компонентах [24–27]. Представляется, что продуктивным может быть и рассмотрение речевых жанров с позиций лингвокультурологии. Такой подход уже был обоснован в лингвистике: «Речевые жанры, выделенные данным языком, являются <...> одним из лучших ключей к культуре данного общества» [28: 111]. Вместе с тем представляется важным уточнить характеристики лингвокультурного освещения речевых жанров с учетом расширения объектов лингвокультурологии.

Лингвокультурный подход к изучению речевых жанров

Теория речевых жанров, разработанная М. М. Бахтиным, активно развивается в отечественной филологии, объединяя интересы

лингвистов и литературоведов [28–34]. Речевой жанр, понимаемый как текстотип, функционирующий в определенной коммуникативной ситуации, включает ценностно маркированное отношение к реальности и тем самым соотносится с ценностной картиной мира, которая имеет как общечеловеческие, так и этно- и социоспецифические характеристики.

Подобно другим коммуникативным феноменам речевые жанры можно разбить на маркированные и нейтральные. Например, вызов на дуэль как жанр коммуникативного поведения имеет выраженную лингвокультурную специфику, в то время как обиходное извинение такой спецификой не обладает. Имеется в виду, что лингвокультурно маркированный речевой жанр может быть непонятен представителям иного коммуникативного сообщества и поэтому требует объяснения. Речевые жанры существуют в рамках определенного типа дискурса – личностного либо институционального. В обоих случаях может проявиться та или иная лингвокультурная специфика.

Знание речевого жанра является определяющим моментом успешного коммуникативного поведения, оно входит в пресуппозиции носителя культуры. Например, диалог сотрудника автоинспекции с водителем представляет собой импликативное предложение противоправного действия:

Даже не знаю, что с вами делать... – Командир, может быть, договоримся?

Мы понимаем, что речь идет о взятке.

В голливудских фильмах-боевиках можно часто услышать фразу, которую произносит герой, обращаясь к своему командиру в ситуации смертельной опасности:

Для меня было честью служить с Вами, сэр.

Для носителей русской лингвокультуры такое высказывание звучит слишком пафосно, а пафосность ассоциируется с неискренностью. Приведенная фраза представляет

собой выражение определенного речевого жанра, который можно назвать «эмфатическое свидетельство уважения». При этом мы понимаем, что в ситуации реального боя его участники вряд ли будут столь высокопарно выражаться. Аналогичный пример эмфатического отказа вошел в историю как гордый ответ наполеоновского генерала Пьера Камбронна на предложение сдаться в битве при Ватерлоо: «Гвардия умирает, но не сдается!». На самом деле генерал, как принято считать, произнес ругательство, смысл которого состоял в отказе сдаваться.

Мы говорим о жанровой лингвокультурной специфике коммуникативного феномена в том случае, когда речевой поступок представляется чужим и не соответствует жанрам нашей лингвокультуры, либо рассматривая коммуникативный феномен с учетом культурных доминант поведения представителей определенного этнокультурного или социокультурного сообщества. Такой подход к квалификации речевого поведения как культурно маркированного соответствует принципам лингвокультурного анализа: мы сравниваем реальные языки между собой либо сопоставляем реальный язык с условным конструктом.

Заслуживает внимания сравнение названных объектов лингвокультурологического анализа. Любой факт речевого поведения может быть осмыслен как концепт. В таком случае он допускает объяснение, т. е. мы выделяем его понятийные признаки. Например, речевой жанр «стихотворение в альбом» можно объяснить как короткий стихотворный текст с выражением уважения, симпатии и шутливых признаков, который записывался приглашенным гостем в специально подготовленный для этого альбом в дворянском сообществе дореволюционной России [35]. Образно-перцептивные признаки такого концептуализированного речевого явления состоят в конкретном выражении подобных текстов. Например, стихотворение А. С. Пушкина «В альбом Сосницкой»:

Вы съединить могли с холодностью сердечной / Чудесный жар пленительных очей. / Кто любит вас, тот очень глуп, конечно; / Но кто не любит вас, тот во сто раз глупей.

Ценностные характеристики рассматриваемого концепта представляют собой определенные установки поведения: образованный человек того времени должен был моментально сочинить подобный экспромт, содержание которого сводилось к различным комплиментам. Понятно, что подавляющее

большинство таких альбомных стихотворений было создано людьми, не имеющими никаких талантов. Их тексты и не претендовали на статус произведений художественной литературы, как и стихотворения в стенгазетах или в личных поздравлениях. Однако следует отметить, что не всем гостям светские дамы предлагали сделать запись в альбоме, и между поэтами было определенное соревнование в искусстве написания подобных текстов¹.

Если речь идет о сценарном осмыслинии определенного коммуникативного поступка, то мы устанавливаем его речеактовую структуру и далее описываем последовательность коммуникативных ходов: хозяйка дома подает с улыбкой гостю большой альбом, перо и чернильницу, тот на мгновение задумывается и пишет должный текст, хозяйка читает его про себя или вслух для всех стоящих рядом, все галантно улыбаются и говорят комплименты автору текста. Иногда подобные тексты были выполнены в иной тональности, могли содержать философские рассуждения о жизни или даже насмешки. Альбомное стихотворение могло превратиться в эпиграмму. Например:

Амур спросил меня однажды, / Хочу ль испить его вина – / Я не имел в то время жажды, / Но выпил кубок весь до дна. / Теперь желал бы я напрасно / Смочить горящие уста, / Затем, что чаша влаги страстной, / Как голова твоя – пуста (М. Ю. Лермонтов).

Типажное осмысливание речевого жанра предполагает выделение двух типов субъектов – внешних агентов коммуникативного действия и внутренних агентов – персонажей, о которых идет речь. Если перед нами жанр «стихотворение в альбом», то внешними агентами этого жанра являются автор стихотворения и адресат, в альбом которого заносится этот текст. Соответственно, можно охарактеризовать участников подобных коммуникативных событий, если их образы легко поддаются типизации. Внутренними агентами подобных текстов могут быть герои, поведение которых сводится к типичным переживаниям и поступкам персонажей кукольного театра.

Сюжетная интерпретация речевого жанра состоит в выявлении логики развития событий в том или ином нарративе. Так, говоря о Владимире Ленском, А. С. Пушкин замечает:

Не мадrigалы Ленский пишет / В альбоме Ольги молодой; / Его перо любовью дышит, / Не хладно блещет остротой.

¹ Я благодарен Эльмире Маратовне Афанасьевой за это уточнение.

Развитие сюжета предполагает интригу и конфликт, и поэтому сюжетная линия повествования о любви Владимира Ленского к Ольге Лариной закономерно сталкивается с весьма правдоподобным мотивом мести Евгения Онегина Ленскому за скуку во время визита к Лариным. Кстати, про стихи в альбом Лариным со стороны Онегина в романе ничего не сказано, хотя он вполне сносно владел этим жанром, как и другие его современники. Применительно к лингвокультурной интерпретации сюжетов заметим, что замечательный комментарий Ю. М. Лотмана к «Евгению Онегину» является образцом этого подхода к лингвокультурным объектам.

Жанровый подход к описанию лингвокультурного объекта в определенной мере суммирует все другие подходы, названные ранее. Такой подход предполагает описание и объяснение коммуникативного поведения людей в типизируемой ситуации. С позиций лингвокультурного моделирования реальности принято различать этноспецифическое и социоспецифическое содержание жанра, при этом они взаимосвязаны и дифференцируются только для схематичного объяснения поведения людей.

Типы лингвокультурной специфики речевых жанров

Говоря о лингвокультурной специфике речевых жанров, мы можем выделить два их основных типа – лакунарный и альтернативный. Первый тип – это речевые жанры, которые встречаются в какой-либо культуре и отсутствуют в других. Для англоязычного мира это, например, комсомольское собрание в Советском Союзе. Лакунарным речевым жанром является экзамен, который сдавали в древнем Китае для того, чтобы занять место правительенного чиновника. Лакунарным можно признать и отсутствующий жанр, который не востребован в коммуникативной практике. Например, есть самокритика в виде самокритичного выступления на собрании, но нет самооскорбления. Отметим, что специфические жанры, свойственные какой-то одной лингвокультуре, обычно бывают исторически связаны с определенной эпохой. Есть некоторое сходство таких жанров с лакунарными концептами. Подобные лакунарные жанры речи часто конструируются в развлекательном дискурсе, художественной литературе и кинематографии.

Второй тип культурно специфических речевых жанров может быть выделен, если при интенциональном сходстве в разных культурах речевые события различаются тематически и структурно. Обычно именно такие различия признаются релевантными

в лингвокультурном плане. Например, нищий в подземном переходе в Лондоне скажет: «*Five pence won't ruin you*». (Пять пенсов тебя не разорят). Такая просьба о милостыне выглядит странно с точки зрения носителей русской лингвокультуры. Отмечено, что в речи афроамериканцев признание «*I can't understand it*» (Не могу понять этого) часто просто означает стремление услышать поддержку. Если этого не знать, то подобная реплика школьника вызывает раздражение со стороны учителя. Впрочем, и в русском коммуникативном узусе выражение «*Не понял!*», произнесенное с определенной интонацией, выражает удивление и недоумение. Аналогичным образом эмоциональная реплика жителей наших южных городов «*Чтоб ты пропал!*» вовсе не означает злопожелания. Структурное своеобразие культурно специфических речевых жанров характеризует их построение и развертывание. Например, традиционные кавказские тости существенно отличаются от аналогичных тостов в России. Отметим, что грань между лакунарными и альтернативными речевыми жанрами весьма подвижна.

Лингвокультурная специфика речевых жанров наблюдается как в личностном, так и в институциональном типах дискурса.

В греческом коммуникативном поведении выделяется речевой жанр «просьба о помощи», когда в ней нет нужды». Концептуализация такого жанра является оценочной и семиотически фиксируется в повествованиях на эту тему. Отметим, что подобное поведение прослеживается у разных народов, показателен английский фразеологизм *to cry wolf* – поднимать ложную тревогу, сеять панику без причины. Это выражение стало фактом языка из басни Эзопа: мальчик-пастух от скуки много раз кричал «*Волк!*», люди перестали ему верить, и когда волк действительно пришел, никто не прибежал. Сюжет из басни стал явлением греческой лингвокультуры и затем в переводах был заимствован другими народами.

Заслуживает внимания намеренное избегание определенных жанров как факт коммуникативного поведения представителей разных социальных групп. Показателен этикетный речевой жанр «благодарность». В Индии говорят: *No thanks between friends*. – Никаких «спасибо» между друзьями. Подразумевается, что такая благодарность может быть оскорбительной, поскольку адресат начинает думать, что говорящий не ждал от него помощи. В мемуарах И. Губермана приводится интересное замечание. Поэту пришлось провести некоторое время в местах заключения. Он установил добрые отношения со сво-

им окружением, но однажды ему сказали: «Еще раз скажешь “пожалуйста”, получишь заточку под ребро». На зоне обычная этикетная вежливость имплицирует неискренность и стремление унизить собеседника.

Некоторые речевые жанры претерпевают культурно значимое эвфемистическое преобразование. Например, в Камеруне нельзя говорить о короле как об обычном человеке, можно изъясняться только намеками. Нельзя сказать: «Король заболел», следует говорить: «Во дворце болезнь». Такое преобразование может носить и обратный характер: взрослые люди обычно не извещают кого-либо о своем намерении посетить туалет, однако в немецких концентрационных лагерях во время Второй мировой войны заключенные должны были докладывать об этом своим надзирателям. Это было эмблематическим актом поведения – заключенные не рассматривались как полноценные взрослые люди.

Заслуживает внимания институциональный речевой жанр «Прием посетителей представителями власти». В этом коммуникативном событии можно выделить тему общения («Просьба об оказании помощи или содействия»), типовых участников (представитель власти и гражданин, обращающийся за помощью), стилистика устного диалога (уважительное дистанцированное общение), хронотоп (кабинет ответственного работника и ограниченное время приёма), ценности и нормы поведения (подчеркнутое выражение уважения к посетителю, демонстрация уверенности в том, что представитель власти сможет решить проблему).

Приведу фрагмент текста из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок». В кабинет председателя горисполкома маленького областного городка Арбатов заходит авантюрист Остап Бендер, выдающий себя за сына лейтенанта Петра Петровича Шмидта, одного из руководителей Севастопольского восстания 1905 г. После разгрома этого восстания революционер был расстрелян. Имя лейтенанта Шмидта было хорошо известно в Советской России. Представитель власти ведет беседу с посетителем:

- Простите, а как ваше имя?
- Николай... Николай Шмидт.
- А по батюшке?

«Ах, как нехорошо!» – подумал посетитель, который и сам не знал имени своего отца.

– Да-а, – протянул он, уклоняясь от прямого ответа, – теперь многие не знают имен героев. Угар нэпа. Нет того энтузиазма, Я, собственно, попал к вам в город

совершенно случайно. Дорожная неприятность. Остался без копейки.

Председатель очень обрадовался перемене разговора. Ему показалось позорным, что он забыл имя очаковского героя.

«Действительно, – думал он, с любовью глядя на воодушевленное лицо героя, – глухнешь тут за работой. Великие вехи забываешь».

– Как вы говорите? Без копейки? Это интересно.

– Конечно, я мог бы обратиться к частному лицу, – сказал посетитель, – мне всякий даст, но, вы понимаете, это не совсем удобно с политической точки зрения. Сын революционера – и вдруг просит денег у частника, у нэпмана...

Последние слова сын лейтенанта проиннес с надрывом. Председатель тревожно прислушался к новым интонациям в голосе посетителя. «А вдруг припадочный? – подумал он, – хлопот с ним не оберешься».

– И очень хорошо сделали, что не обратились к частнику, – сказал вконец запутавшийся председатель.

Затем сын черноморского героя мягко, без нажима перешел к делу. Он просил пятьдесят рублей. Председатель, стесненный узкими рамками местного бюджета, смог дать только восемь рублей и три талона на обед в кооперативной столовой «Бывший дружок».

В этом тексте отражены базовые характеристики рассматриваемого жанра. Представитель власти внимательно выслушивает посетителя и принимает решение оказать ему посильную помощь. Посетитель излагает просьбу и принимает эту помощь. Лингвокультурное содержание этого диалога состоит в аллюзиях к социально-политической реальности послереволюционной России: память о героях революции и нежелательность контакта с новой буржуазией (это был период новой экономической политики). Кроме того, мы видим, что представитель власти вынужден достаточно часто контактировать с ненормальными посетителями («А вдруг припадочный?»). Посильная помощь оказывается очень сокращенной: посетитель просит 50 рублей и получает 8. Это отразилось в типичных запросах от населения или подчиненных инстанций к власти: нужно просить в несколько раз больше, чем нужно, и тогда есть вероятность, что получишь то, что требуется. Авантюрист ведет себя бесцеремонно и нахально и немного переигрывает: «Сын революционера – и вдруг просит деньги у частника, у нэпмана...».

Следующий пример, взятый из моей карточки записей устной речи, иллюстрирует

этот же речевой жанр. Один из выпускников факультета иностранных языков стал сотрудником Волгоградской областной администрации и работал в отделе связи с религиозными организациями. К нему на прием пришел посетитель и попросил оказать ему помощь:

– *Заходите, садитесь. Слушаю Вас внимательно.*

– *Спасибо. Хочу попросить Вас о помощи. Я собираюсь основать новую религию. Нам нужен храм. Прошу оказать помощь в строительстве этого храма.*

– *Так, понятно. Давайте подойдём к окну. Видите эту площадь? Много людей, правда? Завтра они все придут в этот кабинет с такой же просьбой. К сожалению, не могу Вам помочь. Рекомендую Вам обратиться к представителям бизнеса, возможно, там Вам пойдут навстречу.*

Этот диалог записан со слов А. Т., моего бывшего студента, которому довелось принять такого посетителя. Ответственный работник вежливо выслушал посетителя, оценил содержание его просьбы и дал отрицательный ответ на нее, дополнив свою реакцию рекомендацией. Он понял, что посетитель является авантюристом. Отметим, что в годы начала перестройки в нашем лингвокультурном пространстве появился сленговый глагол «аскать» (от англ. ask – спрашивать, просить), который использовался в отношении людей, просящих на улице деньги у прохожих. В Интернете отмечено, что это «было не профессиональное попрошайничество. Чаще выглядело как дружеская просьба о помощи: друг, на билет не хватает! У нынешней молодежи такое поведение считается стыдным, а слово давно вышло из обихода» (<https://femmie.ru/5-modnyh-slovechek-iz-sssr>). Как можно видеть, аскеры проявляли изобретательность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы) : монография. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
2. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд. 3-е. М. : URSS, 2016. 456 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
4. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянской культуры, 2009. 512 с.
6. Романова Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности : монография. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. 120 с.
7. Токарев Г. В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры : монография. Тула : С-Принт, 2013. 92 с.
8. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
9. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta : монография. Волгоград : Парадигма, 2014. 331 с.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
11. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. Волгоград : Перемена, 2001. 495 с.
12. Пименова М. В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ : монография. Кемерово : КемГУ, 2007. 500 с.

Заключение

Теория речевых жанров может быть расширена, если речевой жанр будет рассматриваться с позиций лингвокультурологии. В лингвокультурном плане можно выделить речевые жанры двух типов: 1) лакунарные, характерные только для какого-то лингвокультурного сообщества и отсутствующие в коммуникативной практике других языковых коллективов, как этнокультурных, так и социокультурных, 2) альтернативные, сходные по интенциональному содержанию, но отличающиеся по тематике и структуре. Речевой жанр допускает лингвокультурное объяснение с учетом его концептуального, сценарного, типажного и сюжетного содержания. Лингвокультурная специфика речевого жанра обусловлена социально-историческими условиями его существования и проявляется как в личностной, так и в институциональной коммуникации. Важнейшим индикатором этнокультурной специфики речевого жанра является его несоответствие культурным доминантам поведения того сообщества, с которым себя идентифицирует субъект общения. С позиций лингвокультурного моделирования реальности принято различать этноспецифическое и социоспецифическое содержание жанра, при этом они взаимосвязаны и дифференцируются только для схематичного объяснения поведения людей. В качестве специфического проявления речевого жанра может быть и намеренное либо помимовольное его избегание в определенной лингвокультуре. Лингвокультурная специфика речевого жанра обусловлена социально-историческими условиями его существования и проявляется как в личностной, так и в институциональной коммуникации.

13. Слыскин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
15. Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкоznания. Избранные работы. Воронеж : Истоки, 2008. 595 с.
16. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М. : Языки славянских культур, 2011. 568 с.
17. Савицкий В.М. Культурные сценарии как когнитивная основа фольклорной и языковой образности // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 173–177. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4686820>
18. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. акад. Ю. С. Степанова. М. : Индрик, 2005. 1040 с.
19. Валяйбоб А. В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 20 с.
20. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.
21. Деревянская В. В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 22 с.
22. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М. : Гнозис, 2006. 240 с.
23. Рощина А. А. Эмблематические характеристики лингвокультурного типажа «китайский врачеватель» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 23 с.
24. Ашихманова Н. А. Сюжетный мотив « побег» как генеративный концепт в художественном тексте // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 106–110.
25. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1984. С. 221–229.
26. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М. : Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
27. Ханаева З. К. Мотив путешествия в загробный мир в сюжетосложении осетинского эпоса // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 10, ч. 1. С. 152–154.
28. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
29. Аллатов В. М. Реформатский и Бахтин о жанрах речи // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 21–24. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24>
30. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основаниям гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 249–298.
31. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
32. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
33. Лутовинова О. В. Шейминг как речевой жанр // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 212–219. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219>
34. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>
35. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
36. Михайлова Н.И. Альбом // Онегинская энциклопедия : в 2 т. Т. 1. А–К / под общ. ред. Н. И. Михайловой ; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М. : Русский путь, 1999. С. 36–43.

REFERENCES

1. Vorobyev V. V. *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody): monografiya* [Linguoculturology (theory and methods): Monograph]. Moscow, RUDN University Publ., 1997. 331 p. (in Russian).
2. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury*. Izd. 3-e [Linguocultural method in phraseology: Codes of culture. Ed. 3rd]. Moscow, URSS, 2016. 456 p. (in Russian).
3. Kornilov O. A. *Yazykooye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov*. 2-e izd., ispr. i dop. [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. 2nd ed., rev. and suppl.]. Moscow, CheRo, 2003. 349 p. (in Russian).
4. Krasnykh V. V. *Etnopsikhologivistika i lingvokul'turologiya. Kurs lektsii* [Ethno-psycholinguistics and linguoculturology. Course of lectures]. Moscow, Gnosis, 2002. 284 p. (in Russian).
5. Larina T. V. *Kategoriya vezhlivosti i stil' komunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Category of politeness and communication style: Comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2009. 512 p. (in Russian).
6. Romanova T. V. *Ideologemy i aksiologemy russkogo yazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki natsional'noi mental'nosti: monografiya* [Ideologems and axiologems of Russian language consciousness as a reflection of constants and dynamics of national mentality: Monograph]. Nizhny Novgorod, DECOM, 2019. 120 p. (in Russian).
7. Tokarev G. V. *Chelovek: stereotypy russkoi lingvokul'tury: monografiya* [Man: Stereotypes of Russian linguoculture: Monograph]. Tula, S-Print, 2013. 92 p. (in Russian).
8. Shmelev A. D. *Russkaya yazykovaya model' mira: materialy k slovaryu* [Russian language model of the world: Materials for the dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 224 p. (in Russian).
9. Vorkachev S. G. *Voploschchenie smysla: conceptualia selecta: monografiya* [Incarnation of sense: Conceptualia selecta: Monograph]. Volgograd, Paradigma, 2014. 331 p. (in Russian).
10. Karasik V. I. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p. (in Russian).

11. Krasavskiy N. A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoi i russkoi lingvokul'turakh: monografiya* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures: Monograph]. Volgograd, Peremena, 2001. 495 p. (in Russian).
12. Pimenova M. V. *Kontsept serdtse: Obraz. Ponyatie. Simvol: monografiya* [Heart Concept: Image. Notion. Symbol: Monograph]. Kemerovo, KemSU Publ., 2007. 500 p. (in Russian).
13. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiya* [Linguocultural concepts and metaconcepts: Monograph]. Volgograd, Peremena, 2004. 340 p. (in Russian).
14. Stepanov Yu. S. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Experience of research]. Moscow, School 'Languages of Russian Culture', 1997. 824 p. (in Russian).
15. Sternin I. A. *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznanija. Izbrannye raboty* [Theoretical and applied problems of linguistics. Selected works]. Voronezh, Istoki, 2008. 595 p. (in Russian).
16. Wierzbicka A. *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 568 p. (in Russian).
17. Savitsky V. M. Cultural scripts as a cognitive basis of folklore and language imagery. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 2021, no. 3, pp. 173–177 (in Russian). <https://doi.org/10.5281/zenodo.4686820>
18. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktil i sapientemy*. Pod red. i s poslesloviem akademika Yu. S. Stepanova [Stepanov Yu. S., ed. Language and Culture. Three linguocultural concepts: Lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema]. Moscow, Indrik, 2005. 1040 p. (in Russian).
19. Valyaibob A. V. *Linguocultural Personality Type 'American Pioneer': Symbolic Characteristics*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2013. 20 p. (in Russian).
20. Gulyaeva E. V. *Linguocultural Personality Type 'American Lawyer'*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2009. 24 p. (in Russian).
21. Derevyanskaya V. V. *Linguocultural Personality Type 'British Colonial Servant'*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2008. 22 p. (in Russian).
22. Karasik V. I., Yarmakhova E. A. *Lingvokul'turnyi tipazh "angliiskii chudak"* [Linguocultural type 'English weirdo']. Moscow, Gnosis, 2006. 240 p. (in Russian).
23. Roschina A. A. *Emblematic Characteristics of the Linguocultural Personality Type 'Chinese Healer'*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2012. 23 p. (in Russian).
24. Ashikhmanova N. A. Plot motif 'escape' as a generative concept in the art text. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 2017, no. 3, pp. 106–110 (in Russian).
25. Neklyudov S. Y. About some aspects of the study of folklore motifs. In: *Fol'klor i etnografiya: u etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [Folklore and Ethnography: At the ethnographic origins of folklore plots and images]. Leningrad, Nauka, Leningrad. otdelenie, 1984, pp. 221–229 (in Russian).
26. Silantiev I. V. *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Syuzhetological Studies]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2009. 224 p. (in Russian).
27. Khanaeva Z. K. Motif of travelling to the afterlife in the plot structure of the Ossetian epic. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2017, no. 10, part. 1, pp. 152–154 (in Russian).
28. Wierzbicka A. Genres of speech. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).
29. Alpatov V. M. Reformatsky and Bakhtin on the genres of speech. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 21–24 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24>
30. Bakhtin M. M. Problem of speech genres. In: *Bakhtin M. M. Avtor i geroi. K filosofskim osnovaniyam gumanitarnykh nauk* [Bakhtin M. M. Author and hero. Towards the Philosophical Foundations of Humanities]. Saint Petersburg, Azbuka, 2000, pp. 249–298 (in Russian).
31. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).
32. Dementyev V. V. What gave genre studies to modern linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
33. Lutovinova O. V. Shaming as a speech genre. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 212–219 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219>
34. Prozorov V. V. On the typology of speech genres in the light of the theory of literary genres. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>
35. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
36. Mikhailova N. I. Albom In: *Onegin'skaya entsiklopediya: v 2 t. T.1. A–K. Pod obshch. red. N. I. Mikhailovoi; sost. N. I. Mikhailova, V. A. Koshelev, M. V. Stroganov* [Onegin Encyclopaedia: In 2 vols. Vol. 1. A–K. Mikhailova N. I., total ed. Mikhailova N. I., Koshelev V. A., Stroganov M. V., comp.]. Moscow, Russkii put', 1999, pp. 36–43 (in Russian).

Поступила в редакцию 03.10.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 14.11.2024; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 03.10.2024; approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 14.11.2024; published 28.11.2025